

области догматики, такъ и обще-фило-софскаго мышленія. Къ числу мелкихъ недостатковъ книги надо отнести вызывающую рѣшительную досаду и недоумѣніе транскрипцію греческихъ словъ латинскими буквами. Къ чему это? Лица, знающія греческій языкъ, безъ сомнѣнія, знаютъ и греческую азбуку; не знающимъ же греческаго языка латинская транскрипція не поможетъ ни въ какой степени. Литература патристики указана съ достаточной полнотой и глубокимъ знаніемъ дѣла.

Трудъ Л. П. Карсавина появился какъ разъ во время. Трудную эпоху переживаетъ Русская Православная Церковь. На нее ополчился духъ тьмы въ его двухъ разновидностяхъ. Первая — открытое внѣшнее невѣріе и внѣшнее насиліе гонителей, хотя и безмѣрно мучительна, но не такъ опасна. Вторая — ханжество, лице-мѣріе, политиканство, мракобѣсіе и внут-рицерковная интрига — гораздо хуже, ибо она подъ маской церковности разлага-етъ и терзаетъ Церковь изнутри, отравляя ее ядовитыми токсинами духоненавистни-чества и мраколюбія. Представители этого рода враговъ Церкви, люди большей час-тью малосвѣдущіе въ церковной пись-менности и нерѣдко круглые невѣжды, давно привыкли по шаблону, унаслѣдо-ванному отъ синодальнаго періода, смотре-рѣть на Церковь, какъ на оплотъ мертве-чины, застоя и тупой мыслебоязни — что инымъ изъ нихъ казалось необходимымъ въ видахъ политической реакціи. Эти люди не знаютъ того или не хотятъ при-мириться съ тѣмъ, что св. Отцы и учителя Церкви гармонично сочетаютъ благого-вѣйное преклоненіе передъ Божественной истиной съ предѣльной глубиной фило-софской мысли, и, часто изумительной смѣлостью дерзанія въ области метафизики — гдѣ они далеко оставляютъ за собою по внѣшности дерзкіе, внутренно же робкіе и косные опыты «безбожной» свѣтской мысли.

В. Н. Ильинъ.

КНИГА МЁЛЕРА О ЦЕРКВИ.

„Die Einheit in der Kirche oder das Prinzip des Katholizismus dergestellt im Geiste der Kirchenväter der dreiersten Jahrhunderte von Johann Adam Möhler. 1925. Matthius Grünevald-Verlag).

О книгѣ Мёлера хочется многое сказать. За сто лѣтъ она не потухла, не остыла. И съ трудомъ вѣрится, что это книга начинающаго. Въ четкихъ и строгихъ выраже-

ніяхъ здѣсь раскрывается ясновидѣніе закаленной, пламенной вѣры. Это болѣе, чѣмъ только книга, богословскій трактатъ или философскій синтезъ. Это исповѣдь, вдохновенный рассказъ о томъ, что автору открылось въ отеческихъ твореніяхъ и черезъ нихъ. — Мёлеръ родился и выросъ въ эпоху религіознаго упадка и оскуднѣнія католическаго міра, на исходѣ вѣка Про-свѣщенія. Изъ школы немногого онъ вы-несъ, — сухія понятія и слова. Но изъ родного прошлаго онъ запомнилъ всѣ луч-шія мечты о «соборности», и плотию облек-лись для него эти мечты въ святоотече-скихъ твореніяхъ. Западъ хранилъ оте-ческія писанія, но сердцемъ оторвался отъ нихъ, забылъ о нихъ, ими не жилъ, не ими жилъ, — запомнилъ одного развѣ блаж. Августина. Отцовъ заслонили докто-ра средневѣковья и всего болѣе Триденти-нумъ. Западу приходилось в о з в р а щ а т ь с я къ отцамъ, и не одной только памятью, но и волей. Мёлеръ былъ однимъ изъ первыхъ возвращавшихся. Патрологія для него не была археологіей. Древнія пи-санія говорили ему не о древнемъ, не объ ушедшемъ. Въ отеческихъ твореніяхъ онъ открылъ, по его собственному признанію, «живое, свѣжее, полное христіанство». Всею душой и волей онъ уходилъ въ этотъ дивный міръ, мечтою жилъ въ древней Церкви. Это стремленіе къ истокамъ не было подобно протестантскому исканію «первохристіанства», хотя историческое вниманіе Мёлера и пробудилось въ проте-стантской школѣ. «Кто могъ забыть то, чѣмъ онъ былъ», говорилъ Мёлеръ, «ни-когда имъ не былъ». И подъ памятью онъ разумѣлъ при этомъ не внѣшнее храненіе образовъ прошлаго, но живую непрерыв-ность духовнаго бытія. Та к а я память возможна только въ Церкви, ибо только въ Ней есть подлинная цѣльность и непре-рывность. Въ Церкви и только въ Ней есть преданіе, не какъ внѣшняя передача по преемству, но какъ живое тожество и взаи-мообщеніе, преодоляющее время во Еди-номъ Духѣ Животворящемъ. Въ Церкви вовсе нѣтъ прошлаго, ибо нѣтъ его для Всесвятаго Духа. «Церковь не знаетъ прошлаго», говоритъ Мёлеръ, — «и прош-лое, и будущее здѣсь теряютъ смыслъ и сливаются въ пребывающее настоящее». Въ благодатныхъ нѣдрахъ Церкви «вѣрую-щіе всѣхъ временъ становятся для насъ современниками», — и не только въ мечта-тельномъ единствѣ, но въ самомъ реаль-номъ и живомъ. Въ этомъ преодоленіи вре-

мени и состоитъ полнота соборности, отмѣняющая всякое обособленіе и разрывность. Церковь имѣетъ соборную, каѳолическую природу. Церковь, — но и только Она, — есть органическое цѣлое, единое великое тѣло, скрѣпляемое союзами любви и соединяемое силою Св. Духа, живущаго и пребывающаго въ немъ. — Мелеръ описываетъ благодатное единство Церкви въ терминахъ романтическаго идеализма. Но не изъ романтики черпаетъ онъ свое вдохновеніе. И слишкомъ многое отъ романтики его отдѣляетъ. Онъ не знаетъ «естественнаго» и потому невольнаго всеединства, — естественному бытію, напротивъ, свойственна разбѣдиченность, разрывность, эгоизмъ. «Естественно» обособленіе, и этотъ «естественный» эгоизмъ становится въ христіанскомъ мірѣ началомъ ересей. Цѣльность осуществляется только въ Духѣ Святомъ, въ день Пятидесятницы, образовавшемъ Церковь и въ Ней создавшемъ жилище свое. Духъ Святыи — основаніе Церкви, Она — дѣло Его, и только въ ней возможна и подлинная соединяющая любовь, — самъ по себѣ на нее человѣкъ не способенъ, она есть даръ и даяніе Духа. Въ этомъ рѣзкая и четкая грань между Мелеромъ и всякимъ романтическимъ «модернизмомъ». Богословіе Мелера опредѣляется не отвлеченными идеями органическаго историзма, а живымъ опытомъ. Не идея Церкви открылась ему въ вѣщсмъ созерцаніи, но Она сама, — чрезъ сочувственное причастіе отеческому опыту. Въ своей книгѣ Мелеръ даетъ дѣйствительно только комментарий къ отеческимъ твореніямъ первыхъ трехъ вѣковъ и прежде всего къ твореніямъ св. Иринея.

Для современнаго католика книга Мелера приемлема только съ оговорками, и съ оговорками, разбѣдающими самую ея сердцевину. И не случайно при жизни Мелеръ всегда былъ подъ подозрѣніемъ, — и съ Римской точки зрѣнія это не было напраслиной. Римскаго духа въ Мелерѣ, дѣйствительно, было мало. И напрасно указывать на эволюцію его взглядовъ, — онъ шелъ совсѣмъ не навстрѣчу Ватиканскимъ декретамъ. Всегда и неизмѣнно для него Церковь не была «убѣжденіемъ», — словно Христосъ насильственно соединилъ людей, «приказалъ ихъ другъ другу»... Церковь не раньше вѣрующихъ и не есть ничто отдѣльное и отличное отъ нихъ. Не всегда съ достаточной строгостію и осторожностію Мелеръ неизмѣнно подчеркиваетъ совершенно безспорную мысль о первенствѣ

мистики предъ каноникою, — конечно, не мистическаго сепаратизма, но той соборной, каѳолической мистики, которая обоснована въ самомъ существѣ Церкви. Каноническій строй возможенъ по Мелеру только черезъ внутреннюю соборность, чрезъ совокупную жизнь вѣрующихъ въ единствѣ благодати, и онъ есть выраженіе и «олицетвореніе» этого благодатнаго единства, олицетвореніе этой соборной любви. Мелеръ отрицаетъ первичность и самостоятельность каноническаго элемента, но не его необходимость и безусловность, и всячески подчеркиваетъ только, что власть въ Церкви есть функція и производная любви. «Эволюція» его возрѣній состояла только въ томъ, что онъ съ теченіемъ времени сталъ придавать большее практическое значеніе каноническимъ формамъ, вѣшнимъ опорамъ единства, — однако, совсѣмъ не потому, что онъ измѣнилъ свой принципиальный взглядъ на церковный строй, а потому, что убѣдился въ человѣческой слабости. Исторически случилось такъ, — вотъ ходъ его мысли, — что въ Церковь вошли слабые люди, что уровень церковнаго народа упалъ, что для многихъ стало труднымъ «участіе всѣхъ христіанъ въ служеніи клира», — и тогда закономерно совершилось раздѣленіе клира отъ мирянъ, по жестокосердію и слабости человѣческой. Этимъ не отмѣняется и не обезцѣпняется начало «соборности», но нельзя и его превращать во вѣшній формальный и правовой принципъ. «Пусть вернется прежняя жизнь», говоритъ Мелеръ, — и «мы необходимо получимъ назадъ прежнія формы». Преобладаніе каноническаго и формальнаго элемента въ современной церковной жизни: Запада для Мелера есть историческое явленіе, итогъ «экономическаго» приспособленія къ понизившемуся уровню общей жизни. Съ такой же точки зрѣнія онъ смотритъ и на папство. Въ ранніе годы онъ сомнѣвался въ самой возможности «примата одной отдѣльной церкви», т. е. единичнаго каноническаго средоточія. Въ дальнѣйшемъ онъ убѣдился въ практической цѣлесообразности такого средоточія, — въ тяжелыя времена Церкви. Папство для Мелера есть продуктъ исторіи, хотя и благодатный, а не изначальное намѣстничество Христу, — своего рода чрезвычайная диктатура на время смутъ, а не интегральный элементъ церковнаго организма.

Самый смысл папскаго примата онъ усматриваетъ въ «согласіи Церкви», въ олицетвореніи и выраженіи Ея соборнаго единства. Примать имѣеть для него характеръ только каноническій, а не догматическій. И Мелеръ подчеркиваетъ тѣ соблазны, которые заключены въ такомъ «сосредоточеніи всей церковной силы въ одномъ лицѣ». «Двѣ крайности», говоритъ онъ, — «возможны въ церковной жизни и обѣ называются эгоизмомъ, — или каждый или одинъ хочетъ быть всѣмъ... — одинъ эгоизмъ порождаетъ другой. Но ни одинъ, ни каждый не долженъ быть всѣмъ, — всѣмъ могутъ быть только всѣ, и единство всѣхъ — только въ цѣломъ». — Такое исповѣданіе соборности не могло вести къ Ватиканскимъ декретамъ. — Въ ученіи Мелера о Церкви есть другой изъянъ, и, думается, типическій для западнаго богослова. Ему не достаетъ христологическихъ корней. Раскрывая ученіе о Церкви, какъ единомъ благодатномъ Тѣлѣ, Мелеръ страннымъ образомъ слишкомъ мало пользуется апостольскимъ опредѣленіемъ Церкви, какъ Тѣла Христова. И потому у него выходитъ, что Духъ Святой въ Церкви образуетъ свое Тѣло. Мѣсто Христа въ Церкви остается неяснымъ, и въ этомъ коренится неизбѣжная неясность въ раскрытіи единства Церкви. Церковное тѣло какъ бы заслоняетъ и у Мелера «Главу выше всѣхъ Церкви», Ея вѣчнаго Царя, Первосвященника и Пророка. Здѣсь Мелеръ остается вполне западнымъ человѣкомъ, и догматическіе изломы западнаго сознанія обезсиливаютъ его исповѣданіе соборности.

Огненная книга Мелера на Западѣ была скоро позабыта, и, конечно, не было въ этомъ случайности. Та «духовная весна» католической Германіи, однимъ изъ творцовъ и возбудителей которой онъ былъ, окончилась катастрофой и срывомъ. До этого крушенія Мелеръ не дожилъ. Не дожили до него и многіе изъ его сверстниковъ, соратниковъ и друзей. А тѣмъ,

кто дожилъ до рокового 1870 года и былъ застигнутъ Ватиканскими опредѣленіями, пришлось испытать горечь предѣльнаго мистическаго разочарованія. Иные мало-душно сдались и «покорились». Лучшие замкнулись въ трагическомъ горѣ. Творческое половодье спало, духовный потокъ скрылся подъ спудомъ... Вдумчивый наблюдатель пойметъ всю неизбѣжность этого горькаго конца. Въ самомъ замыслѣ нѣмецкаго католическаго «возрожденія» была уже роковая обреченность, была какая то мечтательность. Во дни испытанія оказалось достаточно духовнаго мужества и силы чтобы устоять и «уйти». Но и тогда для большинства осталось неясно, что мало «уйти» и что надо «вернуться». За этимъ стояло нечувствіе и непониманіе церковнаго состоянія всего католическаго Запада, нечувствіе всей силы и реальности «раздѣленія». Исповѣдникамъ соборности казалось, что они всегда были, пребыли во вселенской и соборной Церкви, что Она всегда была на Западѣ и только теперь, послѣ Ватиканскаго собора, впервые и вдругъ исчезаетъ, превращается въ нѣкій градъ Китежъ, и на ея мѣстѣ водворяется новая, Римская церковь. И вотъ оказалось, что одного волевого отказа мало и недостаточно для осуществленія соборнаго идеала, что онъ такъ и остается идеаломъ, неуловимую безплотной мечтой. А западная ограниченность и инертность мѣшала вернуться.

Трагедія Деллингера ожидала и Мелера, — въ давніе годы они были союзниками и друзьями. Въ старо-католичествѣ рушилась и идея Мелера. Его церковный идеалъ оказывался нереальнымъ и неосуществимымъ на Западѣ, оказывался скованной и безсильной мечтой. То, что Мелеръ «открылъ» въ отеческихъ твореніяхъ, перестало когда то быть на Западѣ. Но томленіе и желаніе не есть еще возвратъ...

Георгіи В. Флоровскій.

1927. II. 21.